

УДК 304.4(47):316ю473(410)''18''

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-2-103-113

ГЕЛЛА Тамара Николаевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru, AuthorID: 296315

GELLA T.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru, AuthorID: 296315

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ**

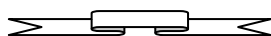
**SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF RUSSIAN SOCIETY IN THE MIDDLE OF THE 19TH
CENTURY IN THE VIEW OF BRITISH CONTEMPORARIES**

Аннотация. Цель статьи – анализ британского социокультурного восприятия России и внутривнутриполитической жизни россиян в начале 60-х гг. XIX века, а также уточнению специфики британского менталитета как такового. Российская и Британская империи являлись одними из главных акторов на международной арене в XIX веке. Взаимоотношения двух держав носили достаточно сложный характер: союзнические отношения в период наполеоновских войн в начале XIX века к 1850-м гг. сменились противостоянием двух сторон в рамках обострившегося Восточного вопроса, закончившимся Крымской войной (1853–1856 гг.). Россия интересовала британцев всегда. Интерес к ее истории, внутренней и внешней политике возрос после окончания войны, восшествия на престол нового императора Александра II. В центре внимания британской общественности были проводимая им политика реформ и отношение к ней различных слоев российского общества. Всё это находило освещение на страницах британских периодических изданий, которые сквозь призму русофобских настроений способствовали формированию образа России и россиян в британском обществе.

Ключевые слова: Россия, Александр II, британские периодические журналы, российское дворянство, чиновники, политические группировки, русофобия.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the British socio-cultural perception of Russia and the domestic political life of Russians in the early 1960s of the 19th centuries and to clarify the specifics of the British mentality. The author draws attention to the fact that the Russian and British empires were one of the main actors in the international arena in the 19th century. Much attention is given to the relationship between the two powers that was quite complex. A special attention is paid to the analysis of allied relations during the Napoleonic Wars from the beginning of the 19th century to the 1850s. They were replaced by a confrontation between the two sides within the aggravated Eastern Question, which ended with the Crimean War (1853–1856). As a result, the author draws conclusions that the British have always been interested in Russia, its history, domestic and foreign policy especially after the end of the war and the accession of the new Emperor Alexander II. His reform policy and Russian public attitude to it were the center of British public attention. All this were the top stories on the pages of British newspapers which generated anti-Russian sentiments and image of Russia in the British society.

Keywords: Russia, Alexander II, British periodicals, Russian nobility, official establishment, political groups, Russophobia.

ВВЕДЕНИЕ

Середина XIX века ознаменовалась в истории Великобритании значительными трансформационными процессами. Крупная промышленная держава, успешно прошедшая процесс индустриализации, господствовала на мировом экономическом рынке в качестве «мастерской мира». Как внешние факторы, так и установившаяся определенная стабильность во внутривнутриполитической жизни страны в 50–60-х гг. XIX века определяли менталитет средневикторианского англичанина, на который оказывали влияние, с одной стороны, «островизм», а с другой – начинающий набирать силу британский национализм, основанный на новых представлениях о прогрессе и цивилизации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Обращаясь к проблеме формирования образа «другого» в общественном мнении жителей Британских островов в рассматриваемый период, на наш взгляд, следует обратить внимание не только на то, какие использовались механизмы описания и презентации этих образов, но и на то, как эти образы влияли на общественное сознание самих англичан, на понимание ими собственных «я/мы» сквозь призму восприятия других народов. Предметом исследования в данной статье является аналитический срез складывавшихся образов России и россиян начала 60-х гг. XIX века в английском обществе и их влияния на менталитет собственно британцев.

Проблема формирования российского образа в Великобритании в середине XIX века нашла свое освещение в исследовательской литературе [2, 3, 10, 15, 16]. Но новизна представленного в данной статье материала состоит в том, что главными источниками исследования проблемы стали не тревоги путешественников и мемуарная литература современников, а публикации в британских ежеквартальных и еженедельных журналах начала 60-х гг. XIX века, посвященные российским

событиям в этот период. Отношение англичан к России было достаточно сложным, так как они, с одной стороны, воспринимали её и россиян как азиатскую страну и, соответственно, азиатский народ, но, с другой – славянские и европейские истоки формирования российской нации не могли не учитываться ими. В связи с этим проведение фрагментарного страноведческого среза в рамках британского социокультурного восприятия России может представлять интерес как для понимания взаимоотношений Великобритании с Российской империей, так и уточнения британского менталитета как такового.

Представления англичан о России и её населении формировалось под влиянием многочисленных заметок и впечатлений посетивших её путешественников. Опубликованные в «толстых» журналах и сопровождаемые комментариями журналистов, они пользовались вниманием широкой читательской аудитории. Однако необходимо учитывать то, что они носили преимущественно субъективный характер. Путешественникам легче было описать дома, лодки, еду, одежду, оружие и орудия труда тех народов, с которыми они встречались, чем понять их мысли и чувства [6, P.2]. Английскому обществу в целом на протяжении всего XIX века была свойственна ксенофобия. Можно привести пример расуждений Джона Генри Ньюмана (1801–1890гг.), известного в викторианской Англии богослова, возведенного папой Римским в сан кардинала, относительно понятий «варварства» и «цивилизации». В лекции, посвященной истории Турции, прочитанной им в Католическом институте Ливерпуля в 1853 году, сопоставляя два понятия, он отмечал, что основу «варварства» составляет «общее воображение», которое включает в себя «религию, божественную миссию правителя или династии и историческую славу». Варварство – это естественное состояние человека, он живет эмоциями, его поведение не определяется законом, поэтому варвар «вырастает почти таким же, каким был в детстве: капризным, своенравным, неуравнове-

шенным, ленивым, раздражительным, легко-возбудимым». Он импульсивен, действует в соответствии с моментом, не считаясь с последствиями; «он энергичен или ленив, вспыльчив или спокоен, как дует ветер или светит солнце». Что же касается понятия «цивилизация», то это именно то состояние, к которому стремится природа человека; здесь все подчинено «общему смыслу», в основе существования – «общие интересы». Цивилизованные государства постоянно развиваются, совершенствуются: «это развитие искусства из природы, самоуправления из страсти, уверенности из мнения и веры из разума» [9, Р. 163–165]. Таким образом, Ньоман четко проводит грань между развитыми государствами, а под ними подразумевались западные страны и их населения, и отсталыми народами, которые находятся на более низкой ступени цивилизационного развития. Именно такое восприятие «отсталости» англичане транспонировали на другие народы, не забывая при этом отмечать те или иные специфические черты их развития.

Все рассуждения Дж. Г. Ньюмана о варварстве относились не столько к России, сколько к Турции, но они в равной степени соотносятся с восприятием англичан образа России и её народа в рассматриваемый период. Для большинства из них Россия первой половины и середины XIX века оставалась *terra incognita*. Британские журналисты признают, как трудно писать о стране, о «которой так мало что известно» [13, 4 Oct., Р. 395]. Но при этом они очень чётко дают понять своим читателям, что Россия – это азиатская страна, на становление которой, а также на формирование характера её населения оказало влияние татаро-монгольское иго. Журнал «The Westminster Review» в 1864 году безапелляционно заявляет, что по форме и по своим тенденциям Россия в своем развитии «оставалась азиатским государством – но не застойным и зачахшим, как увядшие империи современной Азии, а мощным, агрессивным и неверным, как Персия Ксеркса или Татария Чингисхана» [21, Р. 176]. В английском обществе бытовало мнение, что русские – это не

европейцы в чистом виде, а представители азиатских народов. Определенную принадлежность к европейской цивилизации английские журналисты применительно к России всё же допускали. Отмечая специфику государственного устройства страны, они подчеркивали, что «монархия, вместо расплывчатых прерогатив и неопределенных притязаний средневековой королевской власти, сочетает в себе некоторые атрибуты восточного деспотизма с современным европейским механизмом большой постоянной армии и организованной полиции». Но в то же время журналисты характеризовали Россию не только как азиатскую, но и как славянскую страну. В частности, они писали: «Как и во всех славянских странах, в России существует устоявшаяся социальная иерархия, которая для всех практических целей может служить той же цели, что и более сплоченная организация тевтонских рас, которая выступает основой англосаксонского самоуправления» [19, 26 Apr., Р. 457].

В журнале «The Fortnightly Review» за 1866 год была помещена большая статья, посвященная русскому обществу. Характеризуя его, автор публикации Артур Бенни, журналист, переводчик и революционный деятель шестидесятых годов, после приезда в Англию в 1857 году принявший подданство Великобритании [Более подробно см.: 5, С. 23], посетивший Россию в начале 60-х гг., касаясь вопроса о ее социальной структуре, заметил, что в России можно говорить не столько о классах, сколько о сословиях. Беря понятие «классы» в кавычки, автор отмечал, что «в определенном смысле русская нация состоит только из двух совершенно различных, но очень неравных классов – управляющих и управляемых» [8, part 1, Р. 556]. К числу первых он относил, помимо «целой армии регулярных чиновников, как гражданских, так и военных», еще и русских дворян, «которые не имеют ни логического, ни даже исторического смысла существования независимо от правительства». Они слепо подчиняются имперской системе в обмен на право жить за счет миллионов управляемых. Английские журналисты в целом негативно

отзывались о русских дворянах. Анализируя положение потомственных дворян, он отмечал, что в России «почти каждый дворянин служил правительству в том или ином официальном качестве», т. е. был на военной или на гражданской службе, а не дворянин, заняв определенную ступень на чиновнической службе, мог получить дворянский титул. В данной статье журнала «The Fortnightly Review» подробно описывается служебная лестница, по которой проходил российский чиновник на протяжении всей своей карьеры. При этом автор замечал, что богатый дворянин-земледелец с презрением смотрит на бедного, не знатного чиновника, который только начинает подниматься по служебной лестнице. Но когда этот чиновник достигает высот в своей карьере, занимает сенаторский или директорский пост, то «самый гордый аристократ», если только он сам не занимает аналогичного поста, станет «его покорным слугой» [8, part 1, P. 556]. Можно подумать, что на Британских островах было иначе!

Говоря о высшем сословии в России, А. Бенни с некоторым высокомерием писал, что его составляют пятьсот или шестьсот семей крупных землевладельцев, до 1861 года владевших тысячами душ крепостных, положение которых осложнилось после освобождения крестьян. Они не образуют аристократии в европейском понимании этого термина, подчеркивал автор статьи, «не имеют партийной связи между собой и не обладают ни малейшим влиянием на правительство, за исключением тех случаев, когда они сами входят в бюрократию и, получив какой-либо из высоких министерских или придворных постов, становятся частью эксклюзивной клики, или камарильи, которая управляет страной» [8, part 1, P. 556–557]. И дальше следует рассуждение о российском правящем дворянстве: «российская, точнее, петербургская камарилья не имеет ни корней в стране, ни великих имен, которыми можно похвастаться, ни широко распространенных семейных связей, ни какой-либо традиции, и, следовательно, нет общих принципов, связывающих различных членов клики между собой, и в большинстве

своем даже не имеют собственного состояния» [8, part 1, P. 557]. А. Бенни ссылается на наличие классовой системы государственной службы в России («Табель о рангах» – Т. Г.). При этом он пишет, что присвоение нового чина не влечет за собой никаких расходов для чиновника; более того, «при получении ордена или другого подобного знака отличия новый кавалер должен заплатить не только за материалы знака отличия, но и довольно круглую сумму за диплом, <...> так что практическое следствие всего этого процесса состоит только в том, что каждый низший чиновник в течение целого года вынужден корчиться и лебезить перед своим непосредственным начальником, от которого, конечно, полностью зависело представление всех его подчинённых к тому или иному виду вознаграждения, или даже вообще без вознаграждения» [8, part 1, P. 558].

Определенный интерес представляют замечания А. Бенни о тех российских чиновниках, которые составляли высший управленческий аппарат Российской империи. Он упоминает публикуемый для узкого круга лиц каждые три месяца томик под названием «Список всех лиц, принадлежащих к чинам четырех первых классов», в котором приводилось краткое изложение всех пенсий, вознаграждений, императорских подарков, земельных пожалований и т. д., которые получил чиновник с тех пор, как поступил на службу, и которые он получает в настоящее время. Автора статьи поразили два обстоятельства: «первое – это то, что, за редким исключением, все упомянутые имена были совершенно неизвестны не только мне, но и, вероятно, любому человеку в России, не посвященному в частную жизнь Зимнего дворца; второе, более удивительное, обстоятельство – то, что большинство имен были либо немецкими, либо польскими» [8, part 1, P. 560]. Нуждающиеся немецкие бароны и поляки-изгои из Прибалтийских провинций России, которым нечего было уже терять, по мнению А. Бенни, были лучшими кандидатурами для службы царю-самодержцу. Таким образом, у британского читателя формируется далеко неприглядная картина российской си-

стемы государственной службы.

Что же касается остальных категорий населения Российской империи, то они состояли, как пишет А. Бенни, из «подавляющего большинства крестьян, сравнительно незначительного числа купцов, горожан или мещан <...>, и фактически, хотя и не по закону, наследственной касты духовенства» [8, part 1, P. 556].

Британские журналисты пытались охарактеризовать политическую ситуацию, сложившуюся в стране после воцарения Александра II на российском престоле. Они отмечали, что после смерти Николая I в стране «произошел внезапный подъем ума и честности» [11, P. 84]. «В целом, — замечали они, — можно предположить, что все классы в России более или менее обеспокоены и взволнованы, а сравнительная либеральность нынешнего царствования допускает протесты и попытки агитации, которые были бы подавлены силой или сдержаны террором при строгом деспотизме Николая» [12, 4 Jan., P. 4]. Действительно, в российском обществе царила благосклонная, можно сказать, оптимистическая по отношению к новому правителю атмосфера. А. И. Герцен, находясь в это время в Лондоне, писал 18 февраля 1858 года: «Мы имеем дело уже не со случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России; он столько же наследник 14 декабря, как Николай. Он работает с нами — для великого будущего. Имя Александра II отныне принадлежит истории». А М. А. Бакунин немного позднее — в 1862 году — заявлял, что «<...>19 февраля 1861 года Александр II был самым великим, самым любимым, самым могучим царем, который когда-либо царствовал в России» [4, С. 218].

Обстановка в стране, представленная в журнале «The Saturday Review» за 1862 год, характеризуется журналистами достаточно в благосклонных тонах: «На первый взгляд кажется, что в стране присутствуют те же социальные элементы, которые сделали возможной свободную конституцию в Англии. Есть знатные дворяне, землевладельцы, бережливые торговцы и трудолюбивые крепостные,

которые в настоящее время становятся владельцами копий; императорскими прерогативами управляет энергичная и популярная семья; и духовенство <...> обладает достоинством полного отождествления с народом и освобождения от чужеродного влияния» [12, 4 Jan., P. 4].

Фигура императора Александра II привлекала внимание британских читателей, и в связи с этим на страницах периодических изданий можно найти ряд публикаций, посвященных ему. Надо сразу отметить, что деятельность нового императора с момента вступления его на российский престол оценивалась англичанами сквозь призму деятельности его предшественников. Причем речь шла не столько о чертах личного характера того или иного русского императора, сколько о влиянии их стиля правления на формирование специфики российского самодержавия. По мнению журналистов, короткое царствование Павла было поучительным, поскольку оно демонстрировало, с какой легкостью совершаются революции и что «русские государи всегда подвергались большей опасности в собственных дворцах, чем за границей на открытой улице или в многолюдном собрании». Относительно правления Александра I отмечалось, что победа над Наполеоном «стала триумфом абсолютизма в России». Фигура императора приобрела божественный ореол, поскольку он спас свою страну и свою религию. Успехи русского оружия, причем, как замечали журналисты, «намеренно превозносимые», «внушали народу мысль, что отныне он непобедим, что перед ним великая судьба, что, победив французов, которые победили всех остальных, ни один народ в будущем не сможет ему противостоять». А Николай, вступивший на престол, считал, что абсолютизм поддерживается широкими массами его подданных [11, P. 83].

Правление Николая I вызывало серьезную критику со стороны англичан. С одной стороны, они признавали, что Николай был «единственным царем, который когда-либо достиг командного положения в Европе», а с другой — «его политика благоприятствовала системе обмана и мошенничества, в которой процве-

тала коррумпированная бюрократия», в стране недовольные подданные были «запуганы военным деспотизмом до покорности или принуждены к молчанию обманчивым величием императорского великолепия, демонстративно выставяемого напоказ дома и за границей» [11, P. 83; 17, 23 Febr., P. 187].

Александр II, в отличие от своего отца, пользовался в начале своего царствования более благоприятным расположением британских публицистов и журналистов [15, P. 279]. Его, как отмечено выше, сопоставляли с прежними российскими правителями, но в то же время начинали оценивать и его первые шаги по реформированию страны. И здесь в первую очередь рассматривались его законы об отмене крепостного права [Более подробно об отношении англичан к отмене крепостного права в России см.: 1], предварительная работа по подготовке реформы судопроизводства и сама судебная реформа. Британские журналисты пытались представить Александра II своим читателям как «любезного и благонамеренного императора», как политика, которому присущи «умеренность и благие намерения». «Умеренность и благие намерения Александра, — пишут они, — действуют как общая оттепель на застойное единообразие, которое поддерживалось деспотическим эгоистичным беспорядком его отца». Его хвалят за «стойкость», с которой он отстаивал «великое нравственное убеждение своей жизни — необходимость освобождения (крестьян — Т. Г.)», и даже называют «величайшим революционером своего времени», имея в виду предварительные разработки (1862 год) его будущей судебной реформы [7, P. 212; 13, 4 Oct., P. 395; 18, 2 № V., P. 1197; 20, 2 № V., P. 1324]. Однако уже в начале его правления английские публицисты высказывали сомнения в способности русского царя быть последовательным в своих реформаторских начинаниях. Так, в 1860 году журнал «The Edinburgh Review» писал, что Александр II «не имеет ни характера, ни средств», чтобы привести страну к «великим и благотворным результатам», которых он желает. По мнению

журналистов, которые сотрясают стабильность тронов и институтов, чем к правителям, которые укрепляют их» [7, P. 212].

Вокруг Александра II формируется две группировки дворянства. Первая — это консервативные и более пожилые представители класса, которые поддерживают абсолютизм и православие, сожалеют о временах императора Николая и в целом сокрушаются о нынешнем состоянии страны. Они хотели бы вернуться к прошлому и мрачно смотрят в будущее. Эта группировка, естественно, очень малочисленна. Вторая же партия — партия Прогресса, стремящаяся получить конституцию и представительное правительство, свободу прессы, суд присяжных, который уже частично введен, и другие реформы [11, P. 88].

Касательно второй группировки британские журналисты в публикации журнала «The Quarterly Review» в 1863 году писали, что в ней сформировалось два течения. Первое составили «умеренные реформаторы, которые довольствуются постепенным развитием конституционных прав, призывая, однако, к немедленной отмене сословных привилегий». Взгляды этой группировки выражало очень способное и влиятельное московское периодическое издание «Русский вестник». Второе течение представляли «радикалы, намеренные разрушить всю административную машину и разработать самые дикие схемы ее перестройки. Это подразделение включает в себя все оттенки ультраполитиков, коммунистов, социалистов, республиканцев и вообще тех, кто, имея наименьшую долю в стране, рассчитывает получить выгоду от любого изменения формы правления». Журналисты особо акцентировали внимание читателей на том, что численно это сильная группировка, она состоит в основном «из молодежи в возрасте до двадцати пяти лет, и особенно из полубразованных студентов военных училищ и университетов». И самое главное, на что они указывали: еще была идеология панславизма, распространенного среди дворян [11, P. 88].

Интересны их размышления о таком направлении общественной мысли в россий-

ском обществе, как панславизм. Британские журналисты пытаются определить и охарактеризовать это политическое течение. Ведущей идеей панславистской партии, как они пишут, является объединение славянских рас в федерацию, которая должна заменить Австрию и Турцию и быть основана на национальности и православной вере под защитой России. Они делят панславистов на монархических и федеративных, но преобладающей для всех них является идея главенства русской цивилизации в общей славянской федерации [11, Р. 88–89].

По мнению англичан, дух панславизма в среде дворянства еще силен. И «хотя он и вымирает, тем не менее сослужил хорошую службу стране, напоминая общественному сознанию историю древних народных франшиз и привнеся дух единства в анализ всех политических вопросов». Панслависты рекомендуют упразднить дворянство как касту и объединить ее с другими классами. Самоуправление по древнему общинному принципу, заявляют журналисты, — чисто социалистическое — всегда горячо отстаивается ими, причем низшие классы выдвигаются как единственно верный тип исконного и желательного русского. Панслависты привержены национальной одежде и примитивным манерам своих предков и стремятся очистить свое законодательство от всего экзотического [11, Р. 88]. Именно такими английские современники видели российских сторонников панславизма.

Наряду с панславистами британские журналисты характеризуют ещё одно общественно-политическое течение — славянофильство. Главой партии славянофилов называют М. И. Аксакова. Суть, как они пишут, «довольно туманной теории» славянофильства «состоит в том, чтобы считать Петра Великого самым страшным врагом, который когда-либо был у его страны, а его реформу — величайшим бедствием, постигшим русский народ со времен нашествия монголов» [8, part 2, Р. 740]. Анализируя славянофильство как особую теорию, они отмечают, что согласно ей Пётр насильственно стремился внедрить сре-

ди русских «цивилизацию, несовместимую со всей их прежней историей, религией и образом жизни», тем самым он задержал национальное развитие русского народа и уничтожил в зародыше «славянскую цивилизацию», «бесконечно превосходящую всё, что Европа могла предложить взамен в то время и даже сейчас» [8, part 2, Р. 740]. Необходимо отметить, что отношение английских публицистов к деятельности Петра I было скорее скептическим, даже больше негативным, чем положительным. Немного об этом.

В журнале «The Quarterly Review» за 1863 год была помещена статья об истории становления российского государственного строя. Законодательная политика Петра I характеризуется английскими журналистами в весьма сдержанных тонах, но с определенной толикой сарказма. Так, журналисты утверждают, что правление Петра I было в высшей степени «неконституционным», в проведении своего курса он мог использовать только методы деспотизма [11, Р. 77–78]. Более жесткой критике правление Петра I подвергнуто в статье журнала «The Westminster review» за январь 1864 года, в которой приводится довольно неприглядная характеристика его законодательного курса. Критикуя реформаторскую деятельность Петра I, автор статьи делает следующий вывод: «всё его правление — это серия безжалостных жестокостей дома и блестящих козней за границей», все его действия были направлены только на достижение одной цели — «систематическое сжатие нации в инертную массу, движущуюся по его воле, и прочное утверждение его империи в таком положении, когда она в любой момент может наброситься на Европу» [21, Р. 176–177].

Но вернемся к славянофилам. При знакомстве с характеристиками, которые дают английские современники представителям этого русского общественно-политического направления, создается впечатление, что они пытаются представить их людьми, которые до конца не понимают, за что они выступают. В частности, англичане приводят примеры того, что, хотя славянофилы часто апеллируют к понятию «славянская цивилизация», когда их

просят объяснить данное понятие, то они затрудняются это сделать, прикрываясь «такими громкими, но не слишком ясными выражениями, как «истинная религиозность» <...>, «всеобщее братство между всеми классами», «чистота чувств и жизни», «абсолютная сыновья покорность, повиновение неограниченной, но свободно признанной власти царя» и т. д. [8, part 2, P. 740].

Английские журналисты пытаются развести панславистов и славянофилов. В частности, они подчеркивали именно критическое отношение славянофилов к Петру I и его реформам. Они пишут: «<...> между славянофилами и панславизмом поздних лет правления Николая, который так напугал Европу в то время, нет ничего или почти ничего общего; напротив, славянофилы относились к императорской системе (или «петербургской», по требованию цензуры – Т. Г.), и особенно Петра Великого и Николая, с наибольшей антипатией по причине немецких (на славянофильском языке «западных») бюрократических и централизаторских элементов, привнесенных ими» [8, part 2, P. 740–741].

Другим общественно-политическим течением, которое привлекло внимание британских журналистов, был «русский радикализм», или нигилизм. Своим названием, отмечают они, нигилизм обязан роману И. С. Тургенева «Отцы и дети», в котором автор характеризует как хорошие стороны, так и недостатки русской радикальной партии, которая как раз в 1861 году начала окончательно формироваться. Журналисты сразу же предупреждают своих читателей, что слово «партия» «не следует понимать в том же смысле, который оно имеет в Европе». Нигилистов не связывает между собой ни реальная организация, ни четко определенная и общепринятая цель, утверждают они [8, part 2, P. 741].

По мнению английских современников, нигилисты «не более как те представители молодого поколения, которых система образования Николая не успела окончательно деморализовать, и которые с юношеской верой и неопытностью, всерьез восприняли либеральные обещания, данные в начале

нынешнего царствования, и действовали соответственно <...>. Они верили, что продажность и взяточничество будет уничтожено, в стране будет введена система, основанная на полной децентрализации, государственном отправлении правосудия, национальном представительстве и реальной свободе прессы» [8, part 2, P. 741–742]. Как пишут журналисты, в свое время они были героями, «общество смотрело на нигилистов, как на будущую надежду России, и ласкало и уговаривало их поверить, что они действительно являются представителями всеобщих желаний». Но надежды не оправдались, т.к. нигилисты оказались людьми без особых убеждений и объявили себя таковыми только ради моды, больше того, «чтобы использовать атеистические принципы <...> как удобный плащ для своего бесчестного поведения» [8, part 2, P.742]. Касаясь вопроса об отношении журналистов к нигилизму, можно отметить некоторое сожаление, звучащее в их рассуждениях о нем. В частности, они замечают, что нигилизм был, не считая «заговора декабристов», самым чистым из всех когда-либо возникавших в русском обществе движением, «тайные и явные лидеры которого, если бы изменение системы в их пользу было возможно, своей безупречной честностью, неутомимой энергией и редкими талантами, возможно, сформировали бы прочный фундамент для будущего развития своей страны» [8, part 2, P.742]. Рупорами, как они пишут, нигилисткой школы были ежемесячные издания «Современник» и «Русское слово». Литературными лидерами партии были два главных редактора «Современника» – Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский.

Англичане пытаются разобраться в воззрениях нигилистов. Так, знакомя своих читателей с этим российским общественно-политическим течением, они отмечают, что принципы нигилизма, которые были представлены в «Современнике» и «Русском слове», носили обязательно отрицательный характер и заключались главным образом в тщательной критике действий и системы пра-

вительства с чисто демократической, даже социалистической точки зрения. Нигилисты также прибегали к язвительной сатире. Но поскольку в России была жесткая предварительная цензура, что «не позволяло последовательно излагать положительные стороны нигилистической теории», то Н.Г. Чернышевский нашел способ ее обойти и стал публиковать их в виде прилощений к обзорному переводу тех иностранных произведений, которые были наиболее близки ему по духу, например «Всеобщая история» и «История восемнадцатого века» Ф. К. Шлоссера, «История цивилизации» Г. Т. Бокля и многие работы Дж. С. Милля [8, part 2, P. 743]. Нигилисты верили, что народ их поддержит, а правительство будет бессильно перед ними, поэтому они стали думать о том, чтобы перейти от слов к делу, в частности, «тайно печатали, а затем распространяли революционные прокламации и надеялись привлечь на свою сторону то самое общество», которое к ним ранее относилось благосклонно. Но они потерпели поражение. Причем англичане сравнивают их с немецкими либералами 1848 года, находя общие черты в этих двух движениях: «оба были одинаково невежественны в отношении реальных чувств народа, ради которого они пожертвовали собой, оба имели одинаково смутные и неопределенные цели, и оба выбрали одинаково невыполнимые средства для достижения своей цели [8, part 2, P. 743]. Но русское движение было менее масштабным, чем немецкое. Именно такими британские современники воспринимали русских разночинцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, небольшой срез публикаций об общественно-политических событиях России середины XIX века на страницах британских журналов свидетельствует об определенном интересе жителей Туманного Альбиона к внутривнутриполитической жизни россиян, их желании лучше узнать различные стороны жизни отдельных слоев русского общества: дворянства, чиновничества, разночинцев и

т. д. Этот интерес во многом был обусловлен непростыми взаимоотношениями между двумя великими государствами – Британской и Российской империями, их многолетним соперничеством на международной арене. На характер российско-британских отношений, безусловно, оказала влияние Крымская война 1853–1856 гг., равно как и Польское восстание 1863 года. Эти события усилили распространение русофобских настроений среди жителей Туманного Альбиона, чему во многом способствовали публикации в британских периодических изданиях. Знакомя своих читателей с историей Российского государства, с различными сторонами жизни россиян, характеризую политику реформ Александра II, складывание проправительственных и оппозиционных группировок в стране, британские публицисты, отдавая, с одной стороны, определенную дань историческому значению начавшихся в России преобразований, в то же время, с другой стороны, всё это преподносили своим читателям сквозь призму специфики британского менталитета, скептического отношения к перспективам прогрессивного развития либеральных начал в России. «Невозможно скрыть тот факт, – пишут они, – что проводимые сейчас реформы, как правило, несовершенны в своих деталях, какими бы правильными они ни были в принципе» [11, P. 86]. Журналистами делался вывод о том, что «богатство и знания России, на которых должны основываться свободное правительство, всё еще находятся в далеком будущем. Состоятельные люди (собственники) смогли бы принять участие в управлении страной, но у них нет опыта, и они могут использовать власть для решения своих частных интересов». Что же касается народных масс, то это люди, «насколько позволяют политические знания и способности, немногим лучше дикарей, хотя они кроткие и христианизированные дикари, обладающие собственным очарованием и добродетелью». В России нет среднего класса, и поэтому в целом «элементы либерального и прогрессивного правительства кажутся не очень многочисленными» [14, P. 379]. В цивилизованных странах абсолютная монархия

считается невыгодной и репрессивной формой правительства; но бессмысленно желать установления какой-либо конституционной системы в России, заключают британские современники. Таким образом, чувство превосходства, формирующееся у англичан в силу индустриального могущества и коммерческого господства их страны в мире, по отношению к другим народам, которые являются только подражателями британского политического опыта, приводило к культурному высокомерию. Недостаток информации о русских и убежденность в том, что существует только одна модель цивилизации, т. е. западная, были основными источниками упрощенных мнений о России и её народе.

Библиография/References:

1. Гелла Т.Н. Британский еженедельник «The Spectator» о крестьянском вопросе в России в 1861 г. // Учёные записки Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева. – № 2 (91). – 2021. – С. 7–11.
2. Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сб. науч. ст. по итогам Всеросс. науч. конфер. с междунар. участ. / отв. ред. А.Н. Еремеева; редкол. И.И. Горлова и др. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2015. – 350 с.
3. Зашихин А.Н. Глядя из Лондона. Россия в общественной мысли Британии второй половины XIX – начала XX века. – Архангельск: Издательство Поморского международного педагогического университета, 1994. – 208 с.
4. Лавров П.Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества // Литературное наследство. – № 76. – 518 с.
5. Радин С.А. Артур Бенни – В. И. Кельсиеву и Герцену // Литературное наследие. – 1955. – С. 23–36.
6. Bolt Ch. Victorian Attitudes to Race. – L.&NY: Routledge and K, 1971. – 254 p.
7. The Edinburgh review. 1860. Vol.112. July-October.
8. The Fortnightly review. 1866. Vol. 6. August-December.
9. Newman J.H. Lecture 7. Barbarism and Civilization// Lectures on the History of the Turks in

their Relation to Europe/Historical Sketches. Vol.1. – L.: Longmans and CO, 1908. – P.162–163.

10. Paul M.C. Western negative perception of Russia: «The War Cold mentality» over five hundred years// International Social Science Review. – Vol. 76. – №4. 2001. – P.103-121.
11. The Quarterly review. 1863. Vol.113. January-April.
12. The Saturday Review, 1862. Vol. 13. January.
13. The Saturday Review, 1862. Vol. 14 October.
14. The Saturday Review. 1864. Vol. 18. September. P.379.
15. Sakowicz Iwona. Russia and the Russians Opinions of the British press during the reign of Alexander II (dailies and weeklies)// Journal of European Studies. – 2005. – 35(3). – P.271-282.
16. Sakowicz Iwona. British travelers' impressions of the Russians during the reign of Alexander II// Studia Litterarum. 2016. – Том 1. – №1–2. – P.211-218/ <https://cyberleninka.ru/article/n/british-travelers-impressions-of-the-russians-during-the-reign-of-alexander-ii>.
17. The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 1. January-June.
18. The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 2. July-December.
19. The Spectator. 1862. Vol. 35. January-June.
20. The Spectator. 1862. Vol. 35. July-December.
21. The Westminster review. 1864. Vol. 81. January-April.

1. Gella T.N. (2021) Britanskiy yezhenedel'nik «The Spectator» o krest'yanskom voprose v Rossii v 1861g. // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.S.Turgeneva. – №2(91). – S.7–11. (In Russ.).
2. Britantsy i narody Yuga Rossii: problemy vzaimovliyaniya: sb. nauch. st. po itogam Vseross. nauch. konfer. s mezhdunar. uchast. / отв. red. A.N. Yeremeyeva; redkol. I.I. Gorlova i dr. – Krasnodar: ООО «Экоинвест», 2015. – 350s. (In Russ.).
3. Zashikhin A.N. (1994) Glyadya iz Londona. Rossiya v obshchestvennoy mysli Britanii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka. – Arkhangel'sk:

- Izd-vo Pomorskogo mezh. d. ped. un-ta. – 208s.
4. Lavrov P.L. (1971) I.S. Turgenev i razvitiye russkogo obshchestva // Literaturnoye nasledstvo. – №76. – 518s. (In Russ.).
5. Radin C.A. (1955) Artur Benni – V.I. Kel'siyevu i Gertsenu // Literaturnoye naslediyе. – S.23–36. (In Russ.).
6. Bolt Ch. (1971) Victorian Attitudes to Race. L.&NY: Routledge and K. – 254p. P.2. (In Engl.).
7. The Edinburgh review. 1860. Vol.112. July-October. (In Engl.).
8. The Fortnightly review. 1866. Vol. 6. August-December. (In Engl.).
9. Newman J.H. (1908) Lecture 7. Barbarism and Civilization// Lectures on the History of the Turks in their Relation to Europe/Historical Sketches. Vol. 1. L., Longmans and CO. – P.162-163. (In Engl.).
10. Paul M.C. Western negative perception of Russia: «The War Cold mentality» over five hundred years// International Social Science Review. Vol. 76. N ¾. 2001. P.103-121. (In Engl.).
11. The Quarterly review. 1863. Vol.113. January-April. (In Engl.).
12. The Saturday Review, 1862. Vol.13. January. (In Engl.).
13. The Saturday Review, 1862. Vol.14. October. (In Engl.).
14. The Saturday Review. 1864. Vol.18. September. P.379. (In Engl.).
15. Sakowicz Iwona. Russia and the Russians Opinions of the British press during the reign of Alexander II (dailies and weeklies)// Journal of European Studies. 2005. 35(3). P.271 – 282. (In Engl.).
16. Sakowicz Iwona. British travelers' impressions of the Russians during the reign of Alexander II// Studia Litterarum. 2016. Том 1, № 1–2. P.211-218/ <https://cyberleninka.ru/article/n/british-travelers-impressions-of-the-russians-during-the-reign-of-alexander-ii>. (In Engl.).
17. The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 1. January-June. (In Engl.).
18. The Spectator. 1861. Vol. 34. Part 2. July-December. (In Engl.).
19. The Spectator. 1862. Vol. 35. January-June. (In Engl.).
20. The Spectator. 1862. Vol. 35. July-December. (In Engl.).
21. The Westminster review. 1864. Vol. 81. January-April. (In Engl.).